

Киргизские циклы

Киргизия попала в замкнутый круг

Если «тюльпановая революция» 2005 года с некоторой натяжкой может быть отнесена к категории «цветных» — она все же была связана с протестом против манипулирования выборами и «старалась быть мирной», то теперешний бунт значительно ближе к классическим революциям прошлого — с уличными боями и взятием вооруженной толпой разных «бастий», и заодно — грабежом «дворцов тиранов» и лавок простых торговцев

Падение двух киргизских президентств в промежутке 5 лет сопровождалось схожими обстоятельствами. Что связано с однотипностью созданных ими режимов — режимов личной власти, камуфлируемых под демократию. Это видно даже в деталях: и при Акаеве, и при Бакиеве созданием семейной бизнес-империи занимались сыновья. И тот и другой исключали возможность правового и мирного прихода оппозиции к власти и одинаково закончили: ротация власти все равно произошла, но насильственным путем. Однако между двумя режимами были и существенные различия, что предопределило разницу революций 2005 и 2010 годов.

«Светлый путь» режима

Акаев — академик и «демократ», в свое время член Межрегиональной депутатской группы, человек, произносивший речи о величии Сахарова. Он стремился по максимуму извлечь выгоды из своего имиджа единственного президента-демократа в Центральной Азии и долгое время ходил в любимцах Запада. Это, впрочем, не меняло характера режима и вектор его эволюции. Как и его соседи-«партократы», Акаев разгонял парламент, менял Конституцию, продлевая свои сроки и увеличивая полномочия, манипулировал выборами, давил СМИ и сажал в тюрьмы своих политических противников по обвинению в уголовных преступлениях. Но генезис и имидж Акаева все же были факторами, смягчавшими режим и замедлявшими его авторитарную эволюцию. Акаевский авторитаризм был до самого конца относительно мягким и специфически «стыдливым».

Киргизские циклы: революция — неустойчивая демократия — авторитаризм — новая революция

Бакиевский режим, возникший из революции 2005 года, вернее, из последующей анархии и склок революционных вождей (самый циничный из которых быстро отстранил своих старых соратников, ставших сейчас лидерами новой революции), был совершенно лишен какой-либо «стыдливости». Эволюционировал он стремительно и за несколько лет превратился в режим, по сравнению с которым акаевский, даже на поздних его этапах, стал казаться настоящей демократией. В отличие от Акаева, Бакиев, используя российский и казахстанский опыт, создал свою партию «Светлого пути» и обеспечил ей полный контроль над парламентом, вообще не допустив в него основные оппозиционные партии. Более того, не так давно он позволил себе то, чего не допускал ни один постсоветский президент: публично усомнился в пользе выборов и стал говорить о переходе к «совещательной» демократии (это почище «суверенной»). И если при Акаеве противников президента обвиняли в экономических преступлениях, то при Бакиеве они стали попадать в автомобильные катастрофы и «неизвестные лица» стали избивать их и выбрасывать из окон. Бакиев боялся повторения той революции, которая привела его к власти, и повторения судьбы Акаева, он стремился ликвидировать все легальные каналы выражения протеста. В результате революция приняла более жесткие формы, а судьба его, очевидно, будет печальнее судьбы профессорствующего в МГУ предшественника.

Революция вместо выборов

Почему же революция 2005 года, одним из лидеров которой был Бакиев, привела к режиму даже более авторитарному, чем свергнутый? И почему он оказался еще менее долговечен, чем его предшественник? Откуда этот «циклизм» киргизского политического развития? Ответ на эти вопросы требует углубленного анализа. Но некоторые контуры ответа уже видны.

Киргизы любят говорить о своих традициях «степной демократии». И действительно, в отличие от узбеков или русских, у киргизов в прошлом не было деспотической государственности. Авторитарной власти здесь трудно опереться на историю, она не воспринимается как естественная, нормальная форма правления. Кроме того, у киргизов очень сильны племенные и региональные лояльности, которые также ограничивают авторитарную власть, — она вынуждена их учитывать и думать о соблюдении баланса сил. И северянин Акаев, и южанин Бакиев нарушили этот баланс, и если в революции 2005 года протест сконцентрированной в Бишкеке интеллигенции был поддержан обделенными южанами, то в 2010 году главная протестная масса сконцентрировалась на севере. Киргизы не очень-то боятся власти и легко устраивают митинги, перекрывают дороги, организуют «походы на Бишкек» и т.д. Но хотя в наше время любой протест и любой бунт идеологически оформляется как борьба за демократию, здешнее свободолобие и неприятие авторитаризма очень далеки от правовой демократии — законам киргизы подчиняются еще меньше. Устроить революцию им проще, чем провести нормальные выборы. Даже события 2005 года не привели к честным выборам: победители не распустили парламент, избранный с грубыми нарушениями, которые и послужили предлогом революции, — лишь изгнали из него акаевских депутатов. А следующие выборы организовывал уже Бакиев.

Если общество не склонно подчиняться авторитарной власти, но одновременно в нем слабы психологические и культурные предпосылки демократии, получается именно то, что мы видим в Киргизии: слабые и неустойчивые демократии сменяются слабыми и неустойчивыми авторитарными правлениями, конец которым кладут революции, начинающие новый цикл. На постсоветском пространстве схожее сочетание «вольнолюбия» общества и слабости в нем предпосылок демократии есть еще в одной стране — Грузии. Выбраться из подобных циклов очень трудно, значительно труднее, чем свергнуть конкретного авторитарного правителя. Главная задача, объективно стоящая перед Киргизией, — перевод степного вольнолюбия и антиавторитарного протеста в правовое демократическое русло. Необходимо покончить с этими циклами: революция — хаотическая и неустойчивая демократия — авторитаризм — новая революция. Как? Ничего нового: путем демократической ротации власти на основе выборов. Тогда революция 2010 года имеет шанс стать последней.